

АИДА ФЕЙЗУЛЛАЕВА

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ БАЛЬЗАКА ИЛИ НЕМЕРКНУЩАЯ СЛАВА ТИТАНА

«Бальзак, Бальзак, Бальзак!..» – кричит надрывистым голосом человек в чёрной монашеской рясе, пытающийся догнать красивого мальчугана, стремительно бегущего по длинному коридору на встречу с матерью. Мать же, чопорная и холодная женщина, резким движением руки и чётким отрицанием «нет» отстраняет от себя маленького героя. Этой на редкость ошеломляющей сценой начинается фильм-шедевр о Бальзаке – Прометее, человеке исключительного ума, таланта и творческой энергии.

Бальзак никогда не мог простить матери, что она удалила его от себя. «У меня не было ни матери, ни детства, – скажет потом Бальзак. – Не успел я родиться, как меня отправили в деревню и отдали на воспитание кормилице; семья не вспоминала о моём существовании в течение трёх лет; вернувшись же в отчий дом, я был таким несчастным и заброшенным, что вызывал невольное сострадание окружающих» («Лилия долины»).

В действительности же, как пишет биограф Бальзака Андре Моруа, «госпожа Бальзак, напуганная смертью первого ребёнка, которого она сама кормила грудью, на сей раз (Оноре был вторым ребёнком в семье) подчинилась распространённому в те времена обычаю».

По описанию старшей сестры Лоры, «Оноре был прелестный ребёнок с весёлым нравом; хорошо очерченный, всегда улыбающийся рот, тёмные глаза, блестящие и кроткие, высокий лоб, густые чёрные волосы – всё заставляло прохожих оглядываться на него во время прогулок».

Этот милovidный мальчуган, наивный и ласковый, постоянно встречал «суровый и испепеляющий, как пламя, взгляд». Мать Бальзака, Лора Саламбье – красивая юная девица из богатой семьи, будучи на тридцать два года моложе своего будущего мужа, «не признавала ни ласк, ни поцелуев, всех этих простых радостей жизни, она не умела создать для своих близких счастливый семейный очаг». Светская жизнь, пристрастие к роскоши, желание нравиться ещё больше отдаляло её от семьи.

Отец Бальзака, Бернар-Франсуа, отличался своими философскими воззрениями на жизнь, был одержим навязчивой идеей о своём здоровье, мечтал о долголетию, необычайно заботился о себе и неустанно следил за тем, чтобы «сохранять равновесие жизненных сил». Он быстро достиг довольно высокого положения в обществе. Пользуясь покровительством генерала-префекта, он постепенно становился одним из самых именитых жителей города. Став помощником мэра, он должен был приобрести недвижимость в Туре. Продав ферму, принадлежащую жене, Бернар-Франсуа приобрёл красивый особняк с конюшнями и садом. Самоучка, интересовавшийся правом и историей, он много читал, приобрёл большую библиотеку и Антиномия повсюду оказывался полезным благодаря познаниям в области судопроизводства. Наделённый

безграничным честолюбием и энергией, он получал жалованье в нескольких местах, был назначен помощником мэра в провинциальном центре Туре и попечителем богоугодных заведений.

Родители Бальзака больше занимались собой, нежели воспитанием своих детей. Оноре де Бальзак (1799–1850) с четырёхлетнего возраста воспитывался вне семьи (пансион Легэ в Туре, Вандомский коллеж монахов-ораторианцев). В 1813 году родители вынуждены были прекратить обучение сына из-за его нервного расстройства, вызванного невыносимо казарменной обстановкой в коллеже. В 1814 году семья переехала в Париж, где Бальзак продолжал своё образование в Школе прав и практиковался в конторе адвоката де Мервиля (этот адвокат, под именем Дервиля, затем появляется во многих произведениях «Человеческой комедии»). Одновременно слушал лекции по литературе в Сорбонне. Окончив Школу прав (1819 г.), Бальзак, к великому огорчению родителей, отказался от юридической деятельности и заявил им о своём желании попробовать силы на литературном поприще. К этому времени отец Бальзака уходит в отставку и переезжает в провинцию. Будущий писатель остаётся в Париже один, живёт впроголодь на нищенское пособие, получаемое от родителей.

Жизнь Оноре де Бальзака – содержательная и созидательная, проникнутая жаждой творчества, неимоверной тягой к творческой деятельности, переполненная великими замыслами и творческими деяниями Гения, охваченная горечью утраченных иллюзий, нескончаемых и тягостных боёв с жестокими кредиторами и издателями. С детства чувствуя себя отверженным и не признанным своими родителями, Оноре жаждал успеха и славы, стремясь таким путём вознаградить себя за неуёмную тоску души.

Оноре обладал счастливым свойством – он жил в воображаемом мире. Считая себя изгоем на земле, юный Бальзак ждал чудес от неба. Бальзак со времени Вандомского коллежа считал себя «предназначенным для тесного общения с ангелами». Сын вольтерьянца Бернара-Франсуа никогда не отличался природной покорностью, присущей тем детям, которые без усилий и рассуждений приобщаются к вере. Он слыл вольнодумцем и вступал в споры со священником коллежа. И тем не менее в пору своего первого причастия он отличался «жаждой божественного». Худой, с красивыми чёрными, блестящими глазами, «он стал на колени и в радостном, восторженном порыве возблагодарил Бога. Он чувствовал себя счастливым, на душе у него было легко, хорошо... Вечером ему казалось, что он уподобился ангелам, потому что за целый день не согрешил ни словом, ни делом, ни помышлением» («Красная гостиница»).

Бальзак с детства мечтал стать великим человеком. Воспитанник Вандомского коллежа пытался писать стихи и вскоре пристрастился к ним. «Увлечённый этой несвоевременной страстью, я пренебрегал уроками и сочинял поэмы...

В насмешку над моими опытами я был прозван Поэтом, но такие насмешки не могли меня исправить. Я продолжал рифмовать строчки, несмотря на мудрый совет господина Марешаля, нашего директора, который пытался излечить меня от моей пагубной застарелой болезни, рассказав о несчастьях малиновки, которая выпала из гнезда, попытавшись летать раньше, чем у неё выросли крылья. Я продолжал читать и стал самым бездеятельным, самым ленивым, самым задумчивым учеником младшего отделения, и, следовательно, меня наказывали чаще других» («Луи Ламбер»).

В произведениях Бальзака нередко персонажи и их создатель походили друг на друга.

С детства чтение превратилось для него в «некую жажду, которую ничто не могло утолить: он глотал подряд все книги, причём его в равной мере занимали произведения, толкующие о религии и об истории, о философии и о физике... Одним взором он охватывал сразу семь или восемь строк, а его ум постигал их смысл, не уступая в скорости глазу; часто ему достаточно было одного слова, чтобы уловить суть фразы». «К двенадцати годам его воображение, возбуждённое постоянным упражнением всех его способностей, необыкновенно развилось, и это позволяло ему получать такие точные представления о вещах, которые он познавал только через книги, что образ, запечатлевшийся в его душе, не мог быть более живым и при непосредственном наблюдении. Он достигал этого, быть может, потому, что пользовался аналогиями, или потому, что был одарён вторым зрением, с помощью которого он охватывал всю природу» («Луи Ламбер»).

В одном из ранних писем любимой сестре Лоре Бальзак сообщает: «Пока что я только учусь и совершенствую свой вкус». Оноре читал запоем: стихи и прозу, французских и иностранных авторов, изучал философию истории, задавался вопросом, сумеет ли он – после всех бурных перемен, принесённых Революцией, а главное – после кодекса Наполеона дополнить труд Монтескье, книгу «Дух новых законов».

Он находил приют в небесах, которые открывались ему силой воображения. Подобно своему герою Луи Ламберу, ещё подростком читал произведения писателей-мистиков, возможно, предопределивших творческие замыслы его фантастических произведений. «Я как будто чувствовал, что во мне зреет мысль, которую стоит выразить, система, достойная быть обоснованной, знания, достойные быть изложенными» («Шагреновая кожа»).

Он часто отдавался воображениям и грёзам. На кладбище Пер-Лашез, стоя на холме между могилами, он видел Париж, раскинутый вдоль берегов Сены, Париж в синеватой пелене, сотканной из дыма и городских испарений. Зажигались огни. Глаза его жадно устремлялись к этим сорока тысячам домов. Между Вандомской площадью и куполом Дома инвалидов обитал в особняках тот высший свет, куда он хотел проникнуть и куда хотел силой собственного гения проложить себе путь в будущем.

Семья дала ему двухлетний срок, чтобы он мог проявить свой талант. За что приняться? Любознательность толкала его к философии. Он пытался постичь общество, мир, человеческие судьбы. В Вандоме, в Туре, а затем в Париже он изучал труды мыслителей – Декарта, Спинозы, Лейбница. Бальзак и сам ощупью искал собственную философскую теорию. Он «не допускал, чтобы выдающийся талант мог обойтись без глубокого знания философии... Он был занят тем, что усваивал богатое наследие древних и новых времён», что запечатлевается им в романе «Утраченные иллюзии». Философская основа романов Бальзака была разработана им до того, как он приступил к их созданию. В ту пору, когда он жил на чердаке, он заложил фундамент, на котором позднее воздвиг своё монументальное творение.

Ученические годы гения, начавшиеся с подражаний и творческого освоения мирового опыта, завершились не скоро.

Трагедия «Кромвель», сценические постановки, первоначальное увлечение театром обманули его ожидания, и теперь он надеялся, что славу ему принесёт роман. Ещё в отрочестве он пробовал свои силы в прозе, писал философские заметки. Мечта о всемогуществе и славе неотступно преследовала его.

После «Кромвеля» Бальзак в 1820–1821 году работает над романом «Стены, или Философские заблуждения». «Стены» для Бальзака – попытка испробовать силы

в жанре, который его привлекает, в романе, насыщенном философскими мыслями. Но автору не хватает опыта и зрелости, чтобы добиться решения трудной задачи – сплести воедино романтический сюжет и умозрительные рассуждения. Роман «Стени», посвящённый его молочной сестре Стени де Формозон, так и остался незавершённым. Зачастую причиной тому служили и катастрофически пагубные для творческой деятельности жёсткие условия работы, когда писателя вынуждали за двадцать дней написать два тома «Этюд о нравах». Невзгоды порой только обостряли его талант, и никогда ещё тема произведения не была ему так близка, как в романе «Утраченные иллюзии». Герой романа Люсьен Рюбампре – небогатый молодой человек из Ангулема. Госпожа де Баржетон увозит возлюбленного поэта в Париж, где вдали от родного города он будет добиваться успеха. «Провинциальная знаменитость в Париже» – книга, которая стала поэмой о его собственной борьбе и разбитых мечтах. Описывая любовь между юным Люсьеном и женщиной, которая старше него на пятнадцать лет, Бальзак, должно быть, время от времени вспоминал о госпоже де Берни. Но великий писатель всегда любит запутывать следы. Образы и воспоминания, собранные в кладовых памяти великого художника, часто возникают из разных периодов его жизни, из всех мест, где он побывал.

Как известно, первоначально идея о создании «Человеческой комедии» родилась, как утверждал Бальзак в своём Предисловии, из сравнения человечества с животным миром, что было обосновано им подобием Общества Природе: «Ведь Общество создаёт из человека, соответственно среде, где он действует, столько же типов, сколько их существует в животном мире ... всё же повадки каждого из них, (животных) по крайней мере одинаковы во все времена, а между тем обычаи, одежда, речь, жилище князя, банкира, артиста, буржуа, священника, бедняка совершенно различны и меняются на каждой ступени цивилизации».

Аналитические суждения подводят Бальзака к конкретному умозаключению и твёрдой жизненной позиции писателя-гуманиста: «Я не верю в бесконечное совершенствование человеческого Общества, я верю в совершенствование самого Человека».

Роман «Шагреновая кожа» является первым произведением, которое связывает определённым образом сцены нравов с философскими этюдами посредством восточной фантазии (мистического талисмана с надписью на санскрите, запечатлённой на лоскутке шагреновой кожи).

Чем больше размышлял Бальзак над этой мудрой восточной легендой, тем больше философской глубины находил он в ней, в этой надписи, как в заклинании, предупреждающем своего обладателя, что при каждом его страстном желании кожа будет сокращаться, убывать как дни и жизнь. Легенду, таящуюся в шагреновой коже, которая олицетворяет жизнь, Бальзак переносит в современную ему эпоху и представляет её в виде философской повести.

В «Шагреновой коже» Бальзак пытался показать духовную анархию, царящую в его жестокий век. Рафаэль де Валантен – герой романа, в первый раз пожелав проверить могущество талисмана, требует оргий, пиршеств, женщин. Выйдя из лавки антиквара, он столкнулся со своими приятелями Блонде и Растиньяком. Молодые люди потащили его на роскошный обед, который давал некий банкир.

В Рафаэле много черт самого Бальзака. Автор, как и его герой, хочет всего: славы, богатства, женщин. Он знает, что владеет талисманом, который ему принесёт всё, и что талисман – его талант. Он знает также, как и Рафаэль, что растрчивает

свои жизненные силы и что кончится это плохо. Друг его героя Рафаэля Растиньяк – ловкий карьерист, подлинный гасконец – считает Рафаэля гениальным человеком и вместе с тем глупцом. По мнению Растиньяка, ключ к успеху – вовсе не труд, а интриги, эгоизм, рассеянная жизнь. Проматывая состояние, человек как бы вкладывает его в друзей, в удовольствия, в возможных покровителей.

Если расточитель и потеряет свои капиталы, ему, может быть, представится случай выгодно жениться, получить тёплое местечко при министре или посланнике. Надо только опираться на друзей. И он представляет Рафаэля Феодоре, первой красавице и самой модной женщине Парижа. Рафаэль влюбляет в себя графиню. Он не признаёт любви в нищете. И в помыслах Бальзака была «любовь в шелках и кашемире, окружённая чудесами роскоши, которые потому так чудесно украшают её, что и сама она, может быть, роскошь!».

Бальзаку удаётся создать великолепное произведение, где фантастика искусно переплетается с реальностью, отличающееся своей философской глубиной и новаторством.

Часто творческим успехам Бальзака сопутствовали и неудачи. «Я был жертвою чрезмерного честолюбия, – как пишет Бальзак от имени героя романа «Шагреновая кожа» Рафаэля (маркиза де Валантена), – я полагал, что рождён для великих дел, и прозябал в ничтожестве...».

Очевидно, великий писатель имел в виду годы своей юности в Париже, когда он познакомился с молодыми литераторами, хорошо знавшими театральный мир и мир книгопродавцев. Юный Бальзак, глаза которого сверкали, как звёзды, а голова была полна идей, показался им подходящим компаньоном, и они предложили ему место на своей фабрике романов. Они фабриковали модные сентиментальные романы с аристократическими персонажами. Для них это было не искусство, а ремесло, со своими рецептами и особыми приёмами, подённая работа.

Он ступил на опасный для всякого художника путь – путь пренебрежения своим искусством. Однако, несмотря на избитость и тривиальность самих произведений, нетрудно было заметить, что молодой автор внимательно наблюдал за удивительными изменениями, которые внесли в жизнь его класса Французская революция и наполеоновская Империя. Временами из-под маски литературного подёнщика выглядывало лицо ясновидца. Подражание готовым образцам помогало рождению нового писателя, который, сам того не подозревая, отмечал свои романы печатью дарования. Однако постоянная нужда в деньгах вредила его таланту, заставляла работать слишком торопливо.

В мыслях Бальзака уже то и дело возникали цифры: «Если я продам за две тысячи франков роман «Клотильда Лузиньянская», или «Красавец еврей», который напишу один, и если я буду публиковать по четыре романа в год, то разбогатею».

Оноре всегда остерегался позиции покорности, предпочитал свободу и независимость. Молодой человек смертельно боялся, как бы доктор Наккар (их семейный врач), движимый излишней доброжелательностью, не подыскал ему какое-нибудь место. Ведь в этом случае он, Оноре, «превратится в писца, в машину, в манежную лошадь, которая покорно ходит по кругу, пьёт, ест и спит в положенные часы. Я стану тогда как все. ...Если бы ещё кто-нибудь освещал моё унылое существование своей прелестью!».

Такой «прелестью», сыгравшей исключительную роль в жизни и творческой деятельности Бальзака, была госпожа де Берни.

После возвращения в Вильпаризи, где находился Королевский замок, Оноре де Бальзак часто встречал госпожу де Берни и её детей. «Барышни в белых платьях и их родители в чёрном» присутствовали на деревенских праздниках, были они и на крещении ребёнка кухарки Бальзаков.

«Дамы с околицы» играли в Вильпаризи роль владетельных особ. Оноре, посещавший «дом на околице», где он давал уроки детям Берни, пленился их матерью. «Она не скрывала, что ей сорок пять лет, что она уже бабушка, и, разумеется, не собиралась соблазнять двадцатидвухлетнего юношу. Очень насмешливая, даже язвительная, госпожа де Берни весело подтрунивала над манерами Оноре, над его хвастливостью и честолюбивыми помыслами. Но при этом она признавала в нём незаурядный ум, редкостный дар импровизации и пылкую натуру, что полностью искупало все недостатки. Юноша рассказывал ей о своём детстве, когда он был совершенно заброшен матерью, и госпожа Лора де Берни внимательно слушала "горячую исповедь молодого человека, чьи раны всё ещё кровоточили". Со своей стороны он не уставал расспрашивать её о придворной жизни при старом режиме». Оноре живо ощущал контраст между буржуа из квартала Марэ – друзьями его родителей – и этой крестницей королевы. Он упивался звуками её серебристого голоса. «Когда она произносила «ш», это звучало как поцелуй.... Таким образом, сама того не ведая, она расширяла смысл слов, увлекая мою душу в неземные выси», – так писал Бальзак в своём произведении «Лилия долины», посвящённом ей, уподоблял её белой лилии, считал светочем своей жизни, ангелом-хранителем. Госпожа де Берни же поможет ему узнать свет и женщин, она вдохновит Оноре на другие произведения, достойные его таланта.

Бальзак много и упорно работал. Однако всё писал под псевдонимами, ибо сам не верил в ценность того, что создавал.

«Оноре работает без передышки, он занят изящной словесностью, из-под его пера выходят славные и весьма интересные произведения, их хорошо раскупают», – пишет в одном из своих писем к родственникам отец писателя Бернар-Франсуа, неизменно благожелательный и бодро настроенный.

Но сам автор судил себя гораздо строже; он до такой степени себе опротивел, что иногда подумывал о самоубийстве.

Однажды вечером, прогуливаясь по мосту через Сену, один из его друзей заметил Бальзака: тот стоял неподвижно, облокотившись на парапет, и глядел на воду.

«– Что вы тут делаете, любезный друг? Уж не подражаете ли персонажу из «Мизантропа»? Плюёте в воду и любуетесь расходящимися кругами?»

– Я смотрю на Сену, – отвечал Бальзак, – и спрашиваю себя, не следует ли мне улечься спать, завернувшись в её влажные простыни...

Услышав такой ответ, Этьен Араго остолбенел.

– Что за мысль? – вскричал он. – Самоубийство? Да вы с ума сошли! Вот что, пошли-ка со мной. Вы ужинали? Поужинаем вместе».

Маловероятно, но факт... Его мучила и угнетала подённая работа для книгопродавцев.

Его чувствительную натуру ранила жестокость окружающего мира. Он ощущал в себе силы для великих свершений. В романах, которые он писал ради денег, порой попадались глубокие и верные наблюдения: о всеобщей растленности, о коррупции, ставшей язвой века, о торжестве порока. У отца Оноре позаимствовал некую систему взглядов – о соотношении физического и нравственного облика человека.

В 1822 году юный Бальзак по совету доктора Наккара купил, а затем и переплёл сочинения Лафатера. Этот швейцарский писатель, которым так восхищался Гёте, написал большой труд «Физиогномика» (искусство узнавать характер людей по их наружности). Этот труд «отличался тонкими и блестящими наблюдениями», в нём были рассмотрены шесть тысяч человеческих типов, их внешний облик и душевные свойства. Бальзаку приходилось очень много читать и штудировать, он рылся в книгах, изучал иностранных авторов, поэтов и художников. Ученик Лафатера, он будет рисовать портреты мужчин и женщин, но постарается, чтобы волнующие их страсти осветили для читателя эти внешне непроницаемые образы. Бальзак покажет нам, как возник тот или иной город, как он рос, расскажет, почему каждый квартал имеет свой облик, который зависит одновременно и от исторических событий, и от рельефа почвы.

В многочисленных произведениях «Человеческой комедии», этой грандиозной эпопеи, состоящей из уникального цикла романов, Бальзак стремится дать полный обзор человеческих типов, как реальный и в то же время аранжированный им бальзаковский мир, как сам себя порождающий – иногда по закону симметрии («Провинциальная знаменитость в Париже» внушает автору желание написать роман «Парижская знаменитость в провинции», сюжет которой намечен в «Модесте Миньон» и в «Провинциальном музее»), иногда по закону сходства («Брачный контракт» порождает неосуществлённый замысел написать «Раздел наследства»).

Роману «Луи Ламбер», где показан гениальный человек, которого убивает мощь собственной мысли, должен был соответствовать роман «Кретин», в котором отсутствие способности мыслить обеспечивает герою долголетие. Бальзак, дающий правдивые подробности, стремится быть верным человеческой природе. «Мне нравятся существа исключительные, – говорит Бальзак в письме к Жорж Санд, – я сам один из них. Мне и надо быть таким, чтобы выдвинуть на авансцену моих вульгарных героев, и я никогда без необходимости не жертвую ими. Эти вульгарные герои интересуют меня гораздо больше, чем вас. Я их возвеличиваю, я их идеализирую – только в обратном смысле, преувеличивая их безобразие или их глупость. Я придаю их уродствам ужасающие или комические пропорции».

Как художник, который, отойдя немного от своей картины, лучше видит её и добавляет лишний мазок или новый оттенок, Бальзак, окинув взором всё, что уже «нарисовано», стремится придать картине больше выпуклости, чтобы сделать её воплощением заветной идеи. Как мыслил Бальзак, у наций, как и у отдельных людей, есть свой лоскуток шагреновой кожи. Жизнь убывает в прямой зависимости от желаний человека. Следовательно, народы можно сделать долговечными, умерив их жизненный порыв.

Бальзак, живущий и творящий в свете двух вечных истин – религии и монархии, высказывается в пользу устойчивых политических режимов и законов. Он отстаивает традиции, брак, семью, монархию, потому что они существуют, и потому, что сохраняют энергию наций.

Изображая прогнившее общество, он пробуждает желание преобразовать его. В этом деле Бальзак придаёт важное значение церкви и религии, как хранительницам нравственных и социальных истин, усматривает в них единственный выход для избавления от порочных стремлений человека. Достаточно обратиться к «Луи Ламберу», «Сельскому врачу» или же к прекрасному рассказу «Обедня безбожника», чтобы убедиться в том, что Бальзак в равной степени познал как Зло, так и сущность

Добра и человеческого Милосердия, ибо добрые дела искупают грехи, как явно мыслит этот строгий защитник веры.

У Бальзака были врождённые смутные верования в то, что эволюция приведёт человека к ангелу. Чем больше Бальзак наблюдает, тем больше он убеждается в том, что деньги – «ныне единственное божество», движущая сила общества. Наделённый философским складом ума и редким даром естествоиспытателя, он был охвачен идеей изображения развивающихся страстей в современном ему буржуазном мире.

С целью осуществления своего великого замысла, как внезапного озарения объединить все свои произведения в единый цикл, где вновь и вновь будут появляться одни и те же персонажи, Бальзак вскоре приступает к возведению «кафедрального собора», твёрдо решив за короткий срок написать задуманный им роман «Отец Горио» – о славном старике, отказывающем себе во всём ради своих дочерей.

В письме к госпоже Ганской он пишет, что выбрал своим героем «человека, для которого быть отцом то же, что для святого мученика быть христианином». И тем самым он снова покажет, какие опустошения производит страсть, ставшая магией.

Изобретатели и скупцы всегда привлекали романиста накалом своих страстей. «Жизнь скупца, – говорил Бальзак, – требует от человека постоянного напряжения сил». В романе «Евгения Гранде» все действия сосредоточены вокруг удивительно бальзаковского образа – папаши Гранде. Это борьба, завязавшаяся между двумя кланами за руку богатой наследницы. Писатель уже в который раз стремился показать разрушительную силу навязчивой идеи о накопительстве «безжалостных гениев наживы» – представителей новой буржуазии. Однако Гранде не просто скупец, это человек, умеющий зарабатывать деньги, приумножать их, подобно Бернару-Франсуа Бальзаку; для него денежный вопрос гораздо важнее всяких чувств.

В своём грандиозном и могучем творении Бальзак любит часто напоминать о единстве мира физического и духовного. Мы все обладаем жизненной силой. Одни направляют её на благую цель, другие – действуют во зло. Отказ от удовольствий укрепляет волю, и этот мощный фактор силы воли позволяет человеку воздействовать на мир. Бальзак был одержим идеей сосредоточить волю, чтобы она стала магической, даже божественной силой. Но силы человеческие имеют свои пределы. Человек исключительных способностей, Бальзак и сам порой признавался, что страшится подстерегающего его безумия. От неистовства и сумасбродств его спасли труд и несколько женщин.

В романах Бальзака с сюжетами о любви, как правило, присутствуют любовные сцены и истории, в них много любовных интриг, любовных походов, приключений и пр., однако лексикон Бальзака всегда остаётся целомудренным, нет никаких описаний наготы, сладострастных сцен.

Бальзаку, страстному и глубокому наблюдателю, хорошо известна связь телесных порывов с зовом души и порывами сердца. Бальзак с большим знанием дела описывает «жгучий взгляд» влюблённых, которых влечёт друг к другу. Ему известны все рецепты «любовной кухни». Он знает, какую роль играет чувственность, в каких ласках отказывает любовнику герцогиня де Ланже, почему тайная порочность Беатрисы, зрелой женщины, берёт верх над прелестью и молодостью Сабины, на которой женился Каллист, как Валерия Марнеф или куртизанка Торпиль удерживают при себе стариков. Бальзаку нравилось вести сразу несколько интриг, разделённых непроницаемыми перегородками. Это расширяло горизонты романиста.

Бальзак по-прежнему уверял мистическую супругу – божественную Еву – в своей непоколебимой верности и беспорочном целомудрии.

Осенью 1835 года на одном из больших приёмов в посольстве он встретил молодую женщину лет тридцати, восхитившую его нежным румянцем, пепельно-белыми волосами, стройным гибким станом и очами, достойными принцессы Востока. То была графиня Френсис Сара Лоуэлл – жена графа Эмилио Висконти.

В своём любимом романе «Лилия долины» (1835) автор уделяет особое внимание этому великолепному типу англосаксонской красавицы, подробно раскрывает сущность английских нравов, пишет о жизни англичан, в совершенстве овладевших искусством наслаждения каждой крупницей материального мира.

«La Contessa» («графиня» – итал.) отличалась незаурядным умом и характером. В ней не было ни подозрительности, ни придирчивости, ни настороженности Эвелины Ганской. Когда она подарила Бальзаку свою благосклонность, то сделала это от всего сердца, открыто. Она не находила нужным считаться с мнением света и поэтому смело показывалась с Бальзаком в ложе Итальянской оперы, но она не стремилась безраздельно завладеть им, она понимала, что художнику необходима свобода, и тихонько подсмеивалась над его приключениями.

Графиня Гизобони-Висконти и её супруг, граф, неоднократно оказывали Бальзаку безвозмездную материальную поддержку в моменты его житейских трудностей, находясь даже за пределами Франции. Несомненно, ему доставляло удовольствие рисовать на одном и том же полотне два контрастных женских образа: госпожу де Берни и новую свою страсть – госпожу де Морсоф и леди Дэдди. Жизнь Бальзака состояла из реального и воображаемого мира.

В реальном мире он успокаивал Зюльму, писал ласковые письма Еве, интриговал Анриетту де Кастри, рассуждал в австрийском посольстве о магнетизме, завтракал с сыщиком Видоком и парижскими палачами – отцом и сыном Самсонами.

А в воображаемом мире он мало-помалу создал целое общество, в котором определённое место предстояло занять Иссудену, как и Алансону. Вместе с майором Карро, супругом Зюльмы Карро, он бродил по Иссудену, расспрашивал жителей, и они рассказывали ему всякие истории. Всё это в один прекрасный день должно было найти себе место в романе «Жизнь холостяка».

Этот необыкновенный человек за несколько дней узнавал о любом городке больше, чем знали старожилы. Из воспоминаний о квартале Марэ медленно возникали контуры «Цезаря Бирото»; горестные воспоминания, связанные с виллой Диодати, породили «Герцогиню де Ланже». Одно соседствовало с другим: литературные поделки ради заработка, этюды о нравах и великие замыслы. Истинная сущность Бальзака не в денежных хлопотах, не в любовных интрижках, а в творческом горении.

В редкие часы досуга Бальзак отправляется в Консерваторию послушать пятую симфонию Бетховена и признаёт в композиторе собрата по духу, равного себе художника. Он пишет Ганской: «Ах, как я жалел, что вас не было рядом. Я сидел в ложе один. Один. Какая это невыразимая мука. Во мне живёт потребность в душевных излияниях, я её обманываю упорным трудом, но при первом же волнении слёзы бегут у меня из глаз... Я завидую только знаменитым людям, которых уже нет в живых: Бетховену, Микеланджело, Рафаэлю, Пуссену, Мильтону, – словом, всякий, кто был велик, благороден и одинок, не оставляет меня равнодушным. Обо мне ещё не всё сказано; я создал только часть великого творения».

Этот занятый человек урывает время на то, чтобы добежать по крутым спускам до парижского дилижанса. Пятнадцатого декабря 1840 года он ездил смотреть на перенесение праха Наполеона в Дом инвалидов. Из письма к Ганской чувствуется, что Бальзак в этот день был счастлив; он до безумия любит величественные зрелища, императора Наполеона и пышные траурные драпировки.

Бальзак поглощён творениями своей фантазии. В своём мире, единственно в который он верит, он будет нежным и страстным, ибо только там живёт он умом и сердцем, только там развёртывается его напряжённая деятельность. Его персонажи живут в вымышленном им мире, прочно утвердившись в этой второй реальности.

Причины первостепенной роли, которую играют в произведениях Бальзака деньги и золото, и способы их приобретения, подделки и мошенничества, торговля, банки, ростовщики и не в меньшей степени женщины, причастные к ним, следует искать в эпохе Бальзака, в растленном мире, где при старом режиме поступками людей руководили и честь, и алчность, а в период Революции и Империи играли роль энтузиазм, жажда славы и обогащения. Кругом безнравственность, заразившая всё общество. В Париже невероятно растут цены на земельные участки, размножаются акционерные общества. Ротшильд финансирует строительство железных дорог на севере Франции, и Бальзак, веря в их будущее, вовлекает в эту спекуляцию и госпожу Ганскую.

Деньги властвуют в мире. Бальзак описывает мир, но не судит, так как знает, что это не его дело – выносить приговоры. Он всецело занят изображением пороков общества. Принося себя в жертву Золотому Тельцу, красавицы девушки с готовностью выходят замуж за дряхлых пэров Франции, лишь бы сохранить своё положение в обществе, или за старых банкиров, чтобы добиться богатства. Не уступают им и молодые люди, которые ради денег и власти продаются женщинам зрелого возраста. Растиньяку устраивает гнёздышко Дельфина де Нусинген, Максима де Трай содержит графиня де Ресто. Люсьен де Рюампре сначала ждёт богатства от Корали, а затем от Эстер. Ла Панферин («Принц богемы») принимает от своей любовницы «значительную сумму», подстать самому Бальзаку, который брал у своих знакомых богатых женщин – «дам своего сердца» – ещё более значительные суммы.

Бальзак, как сын своего века, ещё с детства мечтающий о великих свершениях, о славе и почестях, был склонен к богатству и роскоши. Его всегда увлекало убранство, роскошная, красивая мебель, драпировки, ковры, посуда, антиквариат, дорогие безделушки, со вкусом и изяществом обставленные апартаменты. Создатель «Человеческой комедии», Бальзак, с юных лет мыслящий оригинально и глубоко, отличался не только своим бальзаковским миром, но и непревзойдённым бальзаковским стилем. «Он вкладывал бесконечно много труда в поиски выразительных средств», – говорит Теофиль Готье. При этом добавляет, что «у Бальзака был свой стиль, притом превосходный стиль, неизбежно необходимый, с математической точностью соответствующий мысли автора».

Бальзак привлекает наше внимание и как мастер эпистолярного жанра. Изумительны его письма к Ганской с использованием подтекстов и намёков, проникнутые романтическими излияниями, глубокими душевными переживаниями и искренними признаниями мучений и терзаний страстно любящего человека, жаждущего построить «своё гнездо». «Страстным фантазёром» называл Бальзака Шарль Бодлер и считал, что все его герои наделены горячей жизненной силой, которая воодушевляла и его самого.

«Все его вымыслы красочны, как мечты. От верхушки аристократии и до самых низов общества, городской бедноты. Все актёры «Комедии» больше цепляются за жизнь, более энергичны и хитры в борьбе, более терпеливы в несчастье, больше жаждут наслаждений, проявляют больше ангельской доброты и преданности, чем мы видим это в комедии реального мира».

И как всё это верно подмечено!..

А сам Бальзак представлялся ему «финансистом»: «в этом поэтическом уме всюду цифры».

Жизнь Бальзака – напряжённая, беспокойная и тревожная, обременённая житейскими трудностями и материальными невзгодами, прошедшая в борениях с жестокими кредиторами и требовательными издателями, – часто вынуждала его в целях спасения от их преследований снимать квартиры на чужие фамилии, а нередко приходилось скрываться и от судебных исполнителей.

В 1846 году, когда работа продвигалась трудно, он пишет Ганской из Парижа в Неаполь: «Мне крайне трудно писать, мысль несвободна, она больше не принадлежит мне... Вчера весь день была такая ужасная тоска... А ведь надо кончить шесть листов, чтобы дополнить один из томов «Человеческой комедии»... Глаза всё время моргают, зрение ослабело так, что, работая ночью, мне пришлось свой подсвечник на три свечи заменить пятисвечным канделябром... Талант вернётся ко мне, но вернётся в тот день, когда женитьба избавит меня от неуверенности. Это не любовь, это наваждение...».

Мысль о союзе с Эвелиной Ганской всецело завладела им и лишила его воображение творческой свободы. С таинственной чужестранкой – автором одного из многочисленных писем, которые Бальзак получал от женщин, писатель познакомился в 1832 году. Бальзак привлёк её внимание своим пламенным воображением творца, восхитительной тонкостью души, как несравненный знаток человеческого сердца со священным огнём гения.

Бальзаку всегда нравились чувственные женщины, он хотел, чтобы женщины также были умны и рассудительны, чтобы они были способны понимать его произведения, восторгаться ими и, быть может, даже вдохновлять его.

Ему казалось, что Ева Ганская – именно такая. Она была достаточно умна и упивалась возможностью приобщаться к мыслям гениального писателя. Госпожа Эвелина Ганская привлекала Бальзака тем, что она была «создана для любви», но ему нравились также и её начитанность и то, что она носит графский титул, живёт в настоящем замке, к тому же она набожная. Он всегда мечтает о создании своей семьи, о брачном союзе, о супружеском ложе, об успехе и состоянии. Бальзак желает как для своих героев, так и для себя самого не «хижину и любящее сердце, но дворец и возлюбленную».

Графиня Эвелина Ганская, урождённая Ржевуская, принадлежащая к знатному польскому роду, тесно связанному с Россией, после смерти мужа, Венцеслава Ганского, предводителя дворянства на Волыни, оставшись с единственной дочерью Анной, в основном уделяла внимание ей, заботилась об её обустройстве. После замужества дочери госпожа Ганская решила обосноваться со всей семьёй в Верховне – своём великолепном имении на Украине.

У Эвелины Ганской возникли прежние опасения. Она боялась безумств будущего своего супруга, потеряла доверие к нему: «Делай, что угодно, с теми деньгами, которые я тебе дала, милый Норе, но не разоряй меня».

В самый разгар своих финансовых бедствий Бальзак хочет купить за 24.000 франков прекраснейшую коллекцию книг о театре. Или же просит свою «дорогую графиню» привезти из России для их брачного ложа с колоннами горностаевое покрывало; она наотрез отказывает.

Крупная помещица возмущена, видя такие безумства. Она весьма горячо упрекала Бальзака за его разорительные покупки в антикварных лавках. Ему присущи нелепые траты на белый будуар, на трости с драгоценными камнями. Великий писатель был большим расточительным ребёнком. Как человек, Бальзак по-прежнему изумлял, а также шокировал своих поклонников страстными увлечениями, чудачествами и расточительностью. Однако мы не вправе подвергать осуждению странности и причуды, присущие Бальзаку, как парадоксы гения. Сила гения в его превосходстве.

«Господа, Европа сейчас теряет гения», – сказал Виктор Гюго, когда Бальзак находился на смертном одре.

Жизнь Бальзака завершилась подобно роману «Человеческая комедия». Сколько раз он рассказывал, как человек всю жизнь мечтал о любви, и вот, наконец, кажется, достиг счастья, но лишь только он протягивает руку, чтобы схватить его, счастье ускользает. Так кончились «Шуаны», «Луи Ламбер», «Альбер Саварюс».

Достигнуть цели, умирая, как античный гонец! Видеть, как счастье и смерть одновременно вступают на твой порог! Завоевать любимую женщину, когда любовь уже гаснет! Не быть в силах наслаждаться, когда право быть счастливым наконец приобретено! Это было уделом уже стольких людей!

Бальзак уже давно предчувствовал, что такая судьба уготована и ему, и в предсмертные дни он своим светлым умом, который так любил и умел определять тайные причины событий, увидел во всей её суровой простоте самую суть прожитой жизни. Он умирал, сгорев в огне своих желаний, истратив все силы в воображаемых действиях своих героев, умирал жертвою своего творчества. Несчастное детство и юность породили у него сверхчеловеческое честолюбие. Он хотел всего: любви, богатства, гениальности, славы. Несмотря на расстояние, казалось бы, непреодолимое, между отправной точкой и целью, он всего достиг.

«В воскресный вечер 18 августа 1850 года он лежал, простёртый, в украшенном им самим доме, убранство которого походило на его мечты о чудесах «Тысячи и одной ночи»; волшебница Чужестранка ради него покинула свой дворец и океаны хлебов: он стал средоточием того мира, который сам населил, в который вдохнул душу и которому суждено было пережить его», – так завершается замечательная книга Андре Моруа «Прометей, или жизнь Бальзака».

Думается, что в этих заключительных словах с истинной оценкой гения заключается и секрет немеркнувшей славы титана.